

ГЕРЦЕН И АНГЛИЯ

Статья Моники Партридж (Ноттингем) *

Отношения Герцена с англичанами до сих пор исследованы недостаточно полно. Утверждение Герцена, что в Европе он сделался «посторонним зрителем» (XI, 53), распространенное и на Англию, долго заставляло предполагать, что его контакты с англичанами были незначительны. Однако эту «посторонность» следует понимать не буквально, а скорее психологически. В начале марта 1850 г. он писал из Франции М. Гессу: «Вы, *может быть*, забываете, что моя позиция зрителя определяется моей национальностью; я физиологически принадлежу к другому миру, я могу с большим равнодушием констатировать наличие страшного рака, сметающего Западную Европу» (XXIII, 289).

По прибытии в Англию ощущение этой далеко не всегда последовательной позиции усилилось в результате резких антирусских настроений, захлестнувших страну в начале Крымской войны, т. е. через восемь месяцев после переезда Герцена в Лондон. Герцен оказался здесь не просто эмигрантом, а представителем «враждебной нации». В то же время его поглощенность чисто русскими делами после основания Вольной русской типографии заметно углубила его отчуждение от интересов Англии.

Герцен с юных лет живо интересовался английской общественной жизнью, историей, философией, литературой, искусством. Вопрос о влиянии на его мировоззрение и творчество таких философов и историков, как Бэкон, Ньютон, Гоббс, Карлейль, Милль, Бокль, таких социологов, как Оуэн, и художников слова, как Шекспир, Байрон, Диккенс, Теккереи, нуждается в специальном монографическом исследовании. Настоящая статья ставит перед собой другую задачу — охарактеризовать отношения Герцена с кругом его английских знакомых во время его пребывания в Англии, т. е. в 1850-х — первой половине 1860-х годов.

Жизнь Герцена в Англии была во многих отношениях благотворной для его издательской и творческой деятельности; там заметно расширился его кругозор, возникли связи с людьми из разных слоев английского общества. Осуждая — и порой очень резко — отрицательные стороны английского быта и английского национального характера, Герцен в то же время чрезвычайно высоко ставил свободолюбивые традиции общественной жизни Англии и настойчиво противопоставлял их деспотизму таких режимов, как бонапартистская Франция и самодержавная Россия. Это свое отношение к Англии, предоставившей ему на продолжительное время свое гостеприимство, он особенно четко выразил в брошюре «La France ou l'Angleterre?» (1858). Нельзя не отметить и той исключительно глубокой симпатии и уважения, которые Герцен питал к английскому народу.

Сразу же после переезда в Лондон Герцен был введен в кружок англичан, в большинстве своем тесно связанных с чартистским движением. Это были люди, придерживавшиеся передовых социально-политических взглядов, главным образом радикалы и республиканцы, активно боровшиеся за свободу слова и печати и видевшие свою ближайшую практическую цель в отмене налога на газеты — «налога на знание», как они его называли. Кружок этот поддерживал тесные связи с международным освободительным движением. Одним из самых влиятельных его членов был человек с глубоко гуманными убеждениями — Т. Олсоп. Весьма вероятно, что Герцен и Олсоп впервые встретились в «Доме на Fleet Street», на так называемой «Политической бирже» («The political Exchange»). Именно там, с ведома основателя этой «биржи» Дж. Дж. Холиоука, обдумывалось покушение Ф. Орсини на Наполеона III. В этот заговор замешаны были и Олсоп, и французский революционный эмигрант С. Бернар (см. о нем в разделе «Герцен и Франция»). Герцен и Олсоп присутствовали на похоронах Бернара в ноябре 1862 г. У гроба его выступили не только французы — А. Таландьё, Ф. Пиа и Г. Журден, но и два англичанина —

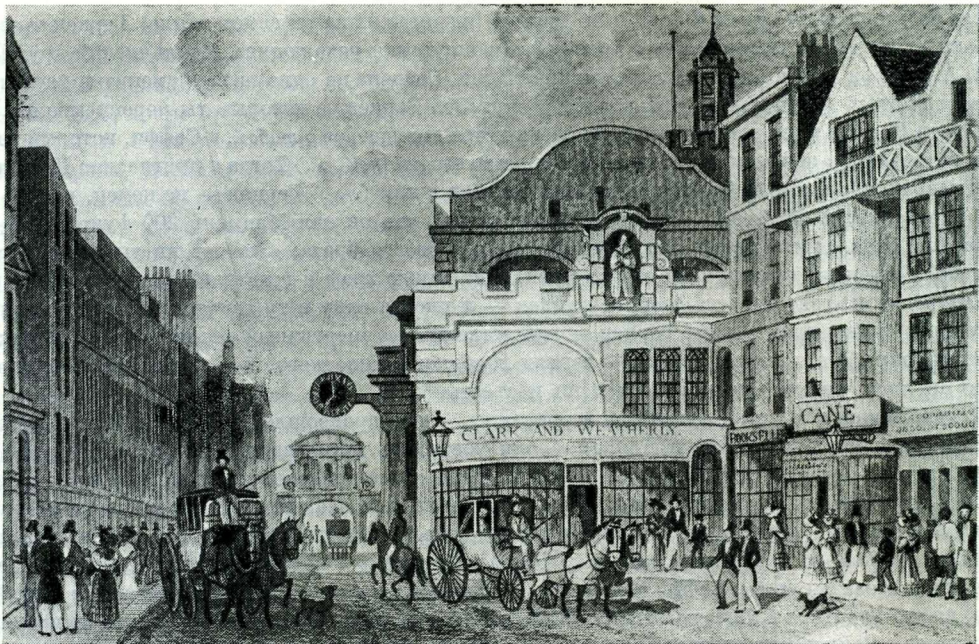
* Перевод с английского М. П. Мироненко.

Ч. Брэдлаф и Холиоук. Все они принадлежали к кружку, связанному с «Политической биржей». Герцен был знаком с ними. Fleet Street — улица в Лондоне, где находятся редакции большинства ведущих английских газет. И в XIX в. и до сих пор она известна как место, где собираются журналисты для обмена новостями. Как раз накануне приезда Герцена в Лондон, в августе 1852 г., Холиоук открыл свой «Дом на Fleet Street» (№ 147). Основан он был как «Центральный дом защиты свободной мысли» для защитников прогрессивных движений. В выпущенном Холиоуком проспекте «Дом» характеризуется как «Центр связей друзей свободной мысли и защитников прогрессивных движений во всех частях света». Передняя гостиная на верхнем этаже использовалась для «встреч политических, социальных и религиозных еретиков любой национальности», где каждый всегда «сам был ответствен за свои собственные взгляды». Эти-то встречи и приобрели известность под названием «Политическая биржа». В биографии Холиоука отмечается, что «большинство буревиственников Европы посетили его в то или иное время», и в их числе названы имена Герцена, М. А. Бакунина, П. А. Кропоткина, Эли Реклю, А. Саффи, Л. Блана и Ф. Пульского¹.

Из англичан в «Доме» Холиоука, кроме него самого, бывали Т. Хант (сын известного писателя и журналиста Л. Ханта), Т. Олсон, Дж. Льюис, В. Линтон, Эл. Пигот, Ч. Брэдлаф, Дж. Коуэн. Его посещал также престарелый Р. Оуэн. Некоторые из этих английских посетителей и основателей «Дома на Fleet Street» предприняли совместное издание газеты «Leader». Еще до приезда в Лондон Герцен был приглашен к сотрудничеству в газете (XXIV, 8—9). Холиоук был ее издателем и членом редакции, Хант — главным редактором, а Пигот — владельцем. Среди сотрудников были Оуэн, Олсон, Линтон, Льюис и Харриэт Мартино.

Герцен был введен в эту группу своим австрийским приятелем, эмигрантом Э. Гаугом, через неделю после приезда в Лондон. В неопубликованном письме к Пиготу от 31 августа 1852 г. Гауг сообщал, что он не может встретиться с ним в это утро «из-за ужасной простуды», и добавлял: «Мой друг Г. Герцен сможет объяснить свое личное дело, являющееся также общим и общественным, и попросит вашей любезной помощи в осуществлении задуманного им плана: отдать на суд представителей новых идей и принципов вопрос о том, как следует поступить с лицом, изменившим гуманности и общественному долгу»². Именно Гауг оказал немалое влияние на решение Герцена отправиться в Англию в поисках поддержки своего плана — предания суду международной демократии Г. Гервега, «поступившего бесчестно» (VII, 388), вместо того чтобы покончить дело дуэлью. Но, убеждая Герцена ехать в Лондон, Гауг, по-видимому, руководствовался и другими, более общими мотивами: он, как можно предполагать, стремился убедить Герцена поселиться в Англии, и в этом отношении его полностью поддерживал Дж. Маццини. После поражения революции 1848—1849 гг. европейские эмигранты не только нашли себе убежище в Лондоне, но и обеспечили возможность для издания там своих газет и журналов. С введением более строгих законов о печати во Франции газета «Proscrit» — орган Международного центрального европейского демократического комитета, созданного Маццини, — была переведена из Парижа в Лондон (август 1850 г.), где стала появляться над названием «Voix du Proscrit». Гауг был одним из ее издателей. Кроме того, он начал издавать немецкий журнал «Kosmos», пытавшийся объединить осевших в Лондоне немецких эмигрантов. Они, как и французы, итальянцы, поляки, венгры и голландцы, образовали особый комитет, присоединившийся к Центральному европейскому демократическому комитету Маццини. Хотя сам Герцен на приглашение Маццини вступить в его международный комитет ответил отказом, руководитель итальянского национально-освободительного движения теперь попытался если не добиться личного участия Герцена в работе комитета, то по крайней мере вовлечь его в новый центр международной деятельности в Лондоне. Узнав от Гауга о семейной драме Герцена и о том, что он собирается эмигрировать в Америку, Маццини стал горячо его отговаривать. Присоединиться к международной организации Маццини («путанице Маццини», как ее называл Герцен) он все-таки отказался, но из Лондона не уехал. Возможно, что и помимо уговоров Маццини его побудили остаться многочисленные личные знакомства, так быстро завязанные под опекой Гауга (хотя у читателя «Былого и дум» может возникнуть противоположное впечатление). Гауг продолжал жить у Герцена до своего переезда в Австралию.

Вероятно, именно Гауг убедил Герцена через несколько дней после прибытия в Лондон съездить с сыном Сашей в Севенокс, чтобы навестить Матильду Биггс — англичанку, с которой Герцен познакомился в Италии. Еще до отъезда Герцена она писала ему, приглашая его остановиться с детьми у нее во время пребывания в Англии. Однако Севенокс находился слишком далеко от Лондона, где сосредоточена была почти вся общественно-политическая жизнь страны.

ЛОНДОН. ФЛИТ-СТРИТ

Гравюра с рисунка Т. Шеперда

Из альбома: «London and its Environs in the Nineteenth Century». London, 1829

В августе 1852 г. на Флит-стрит (дом 147) был открыт клуб «Политическая биржа». Герцен был постоянным посетителем этого клуба; здесь выставлялись и продавались его издания

Гаут знал, что у миссис Биггс живет Оуэн и это, без сомнения, не могло не привлекать Герцена. В неопубликованном письме к Оуэну (1853) Гаут писал, что хотел бы проститься с ним перед отъездом в Австралию, и добавил: «Мой друг г. Герцен, этот выдающийся русский социалист, писатель и ученый, которого я имел честь познакомиться с вами в Севенноксе, также желает сопровождать меня и нанести вам визит»³.

Оуэн — родоначальник английского социализма — был, конечно, и духовным родоначальником «Дома на Fleet Street», поскольку являлся интеллектуальным вдохновителем его основателей, а его имя и идеи о кооперации стали уже священным заветом для многих и многих эмигрантов, посетителей «Политической биржи». Дж. Маццини, А. Саффи, М. Надо и Л. Блан лично обсуждали с ним принципы Рочдейльского потребительско-кооперативного общества. Герцена, несомненно, интересовали эти вопросы. «Политическая биржа» и «Дом на Fleet Street», где Герцен позже выставлял и продавал издания Вольной русской печати, самим Герценом нигде не упоминаются, но, бесспорно, они сыграли свою роль в первые месяцы его жизни в Лондоне и, возможно, содействовали принятию им решения остаться в Англии. Если бы исследователи подвергли специальному изучению деятельность «Дома на Fleet Street» и связанную с ним «Политическую биржу» с двух точек зрения — как явление, важное не только для Англии и для истории ее рабочего класса, но и для всей западноевропейской социальной истории, — то связи Герцена с этим центром, безусловно, были бы замечены раньше.

В начальный период своего пребывания в Англии, еще до основания Вольной русской типографии, Герцен был введен еще в один кружок. Атмосфера в нем, вероятно, напоминала ему скорее московские салоны 1840-х годов и его споры с А. С. Хомяковым, чем атмосферу заговоров, протестов и политической агитации, господствовавшую в «Доме на Fleet Street». Это был кружок Т. Карлейля, английского или, вернее, шотландского (к этой детали он был весьма чувствителен) публициста, историка и философа.

Когда Герцен приехал в столицу Англии, Карлейль (с которым, по свидетельству его жены Джейн, Герцен уже переписывался раньше⁴) находился за границей в Германии, собирая материалы для своей книги о Фридрихе Великом. На Карлейля произвели сильное впечатление

«Стого берега» и «Письма из Франции и Италии» (он читал их на немецком языке). Герцен со своей стороны с интересом прочел труд Карлейля «Французская революция». Итальянский друг Герцена А. Саффи убедил жену Карлейля пригласить Герцена на одно из ее знаменитых чаепитий. По поводу этого приглашения она писала мужу: «Это Герцен, с которым ты переписывался. Он приехал в Лондон на короткое время, но очень хотел повидаться с тобой, и Саффи, который часто с ним встречается, попросил разрешения привести его ко мне <...> Тогда я пригласила Дарвина⁵ и Рейхенбахов⁶, а также Брукфилдов⁷ для встречи с ним <...> Герцен — не немец, как ты думал, а русский, и он богат — это доказывается тем, что он дал Мадчини 200 фунтов для его целей»⁸. Три дня спустя она осведомлялась у своего брата: «Знаешь ли ты что-нибудь о Герцене? Саффи на днях привел его ко мне. Были также граф и графиня Рейхенбахи. Нас было пятеро, и мы говорили на четырех языках — и иногда одну и ту же фразу. Это напоминало разговор в сумасшедшем доме! Герцен — мужественный и энергичный человек, но в основе своей он варвар. В его карих глазах — взгляд голодного животного, и я чувствовала себя так, будто он легко может броситься на меня и съесть»⁹.

Когда Герцен и Карлейль наконец встретились — это произошло 21 декабря 1852 г., вскоре после возвращения Карлейля в Лондон, — они убедились, что решительно расходятся во многих взглядах, особенно по вопросу о превосходстве «гуманного» деспотизма над демократией, и столь же решительно солидарны в своем отношении к ужасам кровавых революций. Они сохранили взаимный интерес друг к другу и продолжали иногда встречаться и переписываться.

Через несколько дней после вечера у Джейн Карлейль Рейхенбахи приняли приглашение Герцена пообедать с ним и Саффи (вероятно, и с Гаугом, жившим, как было сказано, в доме Герцена) на его квартире в Spring Gardens, Trafalgar Square, № 4. Герцен и после этого по временам встречался с Рейхенбахами, так же как и Р. Кинкелем, его женой и другими немецкими эмигрантами. У Кинкелей он познакомился с немецкой эмигранткой Мальвидой Мейзенбуг, взявшей потом на себя воспитание малолетней дочери Герцена — Ольги. Джейн Карлейль не присутствовала на первом обеде Герцена с Рейхенбахами и Саффи. Как видно из цитированного выше письма, ее раздражали языковые трудности. Ими в известной степени вообще объяснялись барьеры, возникавшие между Герценом и англичанами. Герцен так и не научился свободно говорить по-английски.

Матильда Биггс, в доме которой в Севеноксе Герцен познакомился с Оуэном, была дочерью В. Ашерста, известного сторонника чартизма, близкого друга Мадчини и одного из основателей английской ветви мадчиниевского Международного комитета. Она пригласила сына Герцена, Сашу, остаться у нее на несколько дней, желая облегчить бремя семейных забот Герцена. Помогали ему и ее сестры — Каролина, жена Дж. Стэнсфила, и Эмилия, в то время жена С. Гукса, а позднее — итальянца Венгури, а также, по словам Саффи, Джорджина Крауфорд (на которой Саффи потом женился) и жена Т. Мильнера-Гибсона, одного из лидеров радикальной партии и члена парламента.

Эти женщины и их семьи объединили свои усилия, чтобы помочь в изгнании Герцену и его осиротевшим детям. Герцен был тронут гостеприимством, проявленным к нему англичанами. «Я нахожу англичан исключительно гостеприимными вопреки тому, что о них рассказывают», — писал он (XXIV, 339). Старшая дочь Герцена, Тата, была подружкой невесты на свадьбе Саффи и Джорджины Крауфорд; его младшие дети приглашены были играть с детьми его английских друзей; они стали, как и отец, словно членами их семей. Хотя радушие этих английских знакомых было в высшей степени приятно Герцену, он все же опасался их влияния на своих детей. Он был русским социалистом, они — представителями английских «высших классов» — крупной буржуазии и дворянства. Детям его надлежало воспитываться в соответствии с социалистическими, а отнюдь не буржуазными и аристократическими принципами.

Однажды, когда Тату пригласили на детский бал к Мильнер-Гибсонам, он не разрешил ей туда пойти, чем вызвал сильное неудовольствие в «дамской» части общества. Герцен послал им по этому поводу обширное письмо, в котором привел причины, заставившие его держать Тату на определенной дистанции от этого общества, и объяснил им, что «револ(юция) не в револ(юцию), пока она не пройдет по детской и пр.» (XXV, 67). К сожалению, это письмо не дошло до нас или же до сих пор не обнаружено.

Хотя Герцен и настаивал на том, чтобы Тата не присутствовала на детском балу миссис Сузан Мильнер-Гибсон, сам он вошел в кружок этой английской дамы, которая, по его словам, «как своей личностью, так и благодаря своему мужу, одному из лидеров манчестерской партии, была хорошо известна в парламентских кругах» (XXV, 265). Герцен был частым гостем в ее салоне

и познакомился здесь со множеством англичан, которые, подобно Мильнер-Гибсонам, вращались в правительственных сферах. В политическом отношении все они принадлежали к левому крылу либералов и радикалов; нередко это были свободолюбивые люди и даже атеисты, но по происхождению все, кроме Брэдлафа, вышли из буржуазного или аристократического сословия. Мильнер-Гибсон и Стэнсфилд занимали высокие правительственные посты. Стэнсфилд, стойкий защитник права убежища для иностранных эмигрантов, активно пропагандировавший радикальные взгляды на севере Англии, был вынужден уйти в отставку из Адмиралтейства, когда обнаружилось, что он позволил Маццини использовать его имя и адрес для тайной переписки. Другие знакомые Герцену англичане — Ч. Дилк, Дж. Коуэн-младший, Брэдлаф, М. Грант-Дафф и барон Л. Н. Ротшильд — все были членами парламента и поэтому проводили много времени в Лондоне, хотя избраны были от разных округов.

Существовала очень важная причина, по которой Герцен не избегал сближения с этим кругом. Он оценил значение полицейской и дипломатической неприкосновенности, которой его новые знакомые пользовались как члены парламента вместе со своими женами. Эту неприкосновенность Герцен мог использовать и для распространения изданий своей типографии, и для собирания необходимых материалов. Известно, что в 1855 г. Герцен просил миссис Мильнер-Гибсон по дороге в Италию отвезти Ж. Мишле в Париж «журналы со статьями» (XXV, 264). Возможно, что она везла и какие-нибудь рукописи или письма конспиративного характера. Отношения Герцена с Мильнер-Гибсонами, особенно после того, как Т. Мильнер-Гибсон стал во главе Министерства торговли, нуждаются в более детальном изучении. Если остается неизвестным, перевозила ли конспиративные материалы Герцена миссис Мильнер-Гибсон, то уже бесспорно, что их транспортировал другой его знакомый, Ч. Дилк, и не в Париж, а в Россию. Дилк, родившийся в аристократической семье, стал лидером радикальной партии, открытым республиканцем, атеистом и человеком свободолюбивым. Герцен отзывался о Дилке как о «замечательно умном человеке» (XXX, 517). Вероятно, Дилк узнал о Герцене от Г. Диксона, издателя критико-библиографического журнала «*Athenæum*» (владельцем его был отец Дилка) и автора большой одобрительной статьи о Вольной русской печати (она была помещена в этом журнале). Это была, вероятно, первая в Англии статья, в которой сообщалось о герценовской печати и давалась ей высокая оценка¹⁰. Дилк был гораздо моложе Герцена и в последний год его жизни в Лондоне являлся еще студентом Кембриджского университета. В 1868 г. он был избран членом парламента от округа Челси (Лондон) как кандидат радикалов. Еще студентом он хотел посетить Россию и позднее побывал там несколько раз, предварительно изучив в какой-то мере русский язык. Перед первой своей поездкой, в 1869 г., он получил от Л. Блана рекомендательное письмо к Герцену, находившемуся тогда в Швейцарии. В свою очередь, Герцен и Огарев воспользовались случаем рекомендовать Дилка некоторым демократическим деятелям в Петербурге и, возможно, послать с ним конспиративную корреспонденцию. Сам Дилк сообщает, что привез в Россию благодаря своему дипломатическому паспорту «самую необыкновенную коллекцию книг, какая, вероятно, когда-либо была собрана в этой стране, — разве только в полицейской цензуре»¹¹. И вряд ли можно сомневаться, что в эту коллекцию входили книги Герцена и другие издания Вольной русской типографии. Дилк переписывался с Герценом и встретился с ним в 1869 г.

В кругах, где вращались Мильнер-Гибсон и Дилк, т. е. в высшем обществе, Герцен приобрел репутацию блестящего собеседника, человека широкой культуры и талантливого писателя. Его «Былое и думы» были переведены на английский язык. В Англии появилось много обзоров и статей об изданиях Вольной русской печати¹². Автографы Герцена уже тогда собирались коллекционерами. Дилк отметил в записной книжке для своего биографа, что он «подарил в качестве автографов письма (некоторые из них интересны) Герцена и Маццини». «Обоих вы можете упомянуть как моих друзей», — указал он¹³. А в составе известной коллекции автографов Albany (Оксфорд) хранится письмо Герцена к неизвестному корреспонденту (XXX, 585).

Насколько высока была репутация Герцена в Англии, видно хотя бы по высказываниям о нем М. Грант-Даффа, молодого шотландского политического деятеля. В 1858 г. он был представлен Герцену и нашел его «одной из самых значительных личностей в Европе». «Герцен был необычайно блестящ и ярок — блистал умом», — записал он в своем дневнике¹⁴. Грант-Дафф попытался в марте 1859 г. представить Герцена выдающемуся философу, экономисту и общественному деятелю Дж. С. Миллю. Последний ответил, что встреча теперь невозможна, так как он вскоре уезжает за границу, но что после возвращения будет «счастливым видеть г. Герцена, если тот пожелает»¹⁵. Неизвестно, состоялась ли эта встреча. Но в напечатанной Герценом передовой

РОБЕРТ ОУЭН

Рисунок неизвестного художника, конец 1830-х гг.

Из книги: J. F. Harrison. Robert Owen and the Owenites in Britain and America. London, 1969

Ж. Мишле, как человека, «в высшей степени порядочного» (XXVI, 302).

Если связи Герцена с Грант-Даффом, Мильнер-Гибсонами и Дилком ввели его в высшее общество Англии, то иначе обстояло с Коуэном и Брэдлафом, также членами парламента, которые часто встречались в совершенно иной социальной и политической среде. Они сыграли большую роль в деятельности Герцена того времени. Коуэн был тесно связан с «Политической биржей». Там он, вероятно, и познакомился с Герценом. Прямое свидетельство о более ранних контактах между ними связано с высылкой с острова Джерси группы революционных эмигрантов из-за выступления в печати (октябрь 1855 г.) одного из джерсийцев, Ф. Пиа, радикального французского публициста и драматурга, эмигрировавшего в Англию. В своем «открытом письме», помещенном в эмигрантском журнале «Нотте», он резко и грубо осудил королеву Викторию за ее тесный союз с Наполеоном III *. Британское правительство увидело в этом оскорбление королевы и распорядилось выслать эмигрантов с Джерси, утверждая, что, хотя у них и есть право свободно жить в Великобритании в качестве эмигрантов, права вмешиваться в политические дела Англии они не имеют. Среди высланных с Джерси был Гюго. Его высылка вызвала митинги протеста во многих английских городах. Впереди всех был Ньюкасл, где Дж. Коуэн-младший, политический деятель-демократ, еще со студенческих лет боролся за право убежища в Англии для иностранных эмигрантов и отважно поддерживал рабочее движение. Коуэн еще молодым человеком подружился с Маццини — именно в то время, когда перлюстрация британской полицией адресованных Маццини писем привела к аресту и расстрелу братьев Бандьера. Вслед за Маццини и другими итальянцами он познакомился с эмигрантами из большинства европейских стран, в том числе из Франции, Польши и Венгрии. После 1848 г. он не только открыто поддерживал их, но тайно финансировал и оказывал помощь в пересылке революционной литературы в их страны.

* Пиа, например, упрекал королеву за то, что она «пила шампанское и обнимала Жерома» (во время приема члена правящей династии — Жерома Бонапарта).

статье «Колокола» от 15 апреля 1859 г. (впоследствии она была включена в состав «Былого и дум») дана высокая оценка знаменитой книге Милля «О свободе», вышедшей в Англии только за два месяца до того. Милль, писал Герцен, «отстаивает свободу не против образованного правительства, а против общества, против нравов, против мертвящей силы равнодушия, против мелкой нетерпимости, против «посредственности» (XI, 68). Действительно, Герцен видел, что Милль выступал против всех тех буржуазных ценностей, которые, как казалось и самому Герцену, окутали Западную Европу слоем зеленой тины. О существовании типографии Герцена Милль, несомненно, знал. В ноябре 1862 г. он написал из Франции, где тогда жил, большое письмо к Огареву с благодарностью за посланный ему экземпляр «Essai sur la situation russe» и одобрительно отозвался об этой книге ¹⁶.

Сравнительно недавно опубликованные письма Герцена к Грант-Даффу и выдержки из дневника последнего показывают, что они нередко встречались и беседовали на темы, связанные с социально-политическими судьбами западного мира и России ¹⁷. Грант-Дафф производил на Герцена очень хорошее впечатление, и в 1859 г. он рекомендовал его своему другу, историку

Главным оратором на митинге протеста в Ньюкасле в связи с высылкой Гюго был Коуэн-младший, а председательствовал Дж. Томас *. Копии с резолюций этого митинга были присланы Коуэном Герцену, так же как и нескольким другим виднейшим деятелям революционной эмиграции. С этого момента Герцен близко сошелся с Коуэном. В архиве Коуэна сохранилось немало свидетельств о его роли в распространении изданий Герцена. Он способствовал их транспортировке в Польшу и Россию, используя для этой цели суда своего отца, крупного магната-судовладельца, и снабжал эмиссаров Герцена фиктивными документами как работников фирмы, едущих по ее делам. Коуэн облегчил Линтону возможность издать в 1855 г. английский перевод «Русского народа и социализма» Герцена. На деньги Коуэна Линтон снял обширный дом в Брентвуде, где устроил типографию, печатая в ней ежемесячный журнал «English Republic», в котором помещались произведения Герцена. С расширением деятельности Вольной русской печати появилась необходимость в осторожности. Хотя Герцен встречался с Коуэном на «Политической бирже», шпионы могли проникать и туда. Без сомнения, именно

этим объясняется скудость сведений о контактах Герцена и Коуэна. В некрологе Коуэна, напечатанном в газете «Morning Post» от 19 февраля 1900 г., говорится, что «посещения этого пылкого революционера, имевшего огромное влияние в городе-графстве Дюрем, где он жил, людьми, подобными Герцену, Бакунину, Ледрю-Роллену и Блану, не могли долго оставаться незамеченными» и что «сам молодой человек был окружен (. . .) иностранными полицейскими агентами». О встрече Герцена с Коуэном в Ньюарке близ Ноттингема упоминает сам Коуэн. В связи с этой встречей он отозвался о Герцене как об «одном из самых обаятельных людей, который соединил в себе немецкую философию, политические воззрения республиканской Франции и практический здравый смысл англичанина с природным русским характером»¹⁸.

Коуэн являлся связующим звеном между английскими радикалами-парламентариями, с которыми он был тесно связан через отца, члена парламента от Ньюкасла, и кружками международной эмиграции в Англии (в 1874 г. он и сам был избран в парламент от Ньюкасла).

В апреле 1861 г. Коуэн вместе со многими другими деятелями, в частности Грант-Даффом, Мильнер-Гибсоном, Стэнсфилдом и Брэдлафом, был приглашен на праздник, устроенный Герценом по случаю «начала освобождения крестьян».

Другой молодой радикал, атеист, свободомыслящий политический деятель, Ч. Брэдлаф, также восхищался русским изгнанником, которого считал своим другом¹⁹. Герцен довольно часто посещал его скромный дом в северной части Лондона. В 1861 г. Брэдлаф ездил в Неаполь как агент Гарибальди и в Германию, будто бы исполняя поручения одной фирмы. Он привез оттуда секретные письма. Вполне возможно, что среди них были и материалы Герцена. Активный участник «Политической биржи», Брэдлаф вступил в сношения с Герценом и в связи с процессом С. Бернара (процесс этот описан в «Былом и думах» — XI, 106—123). Брэдлаф взял на себя секретарские обязанности при подготовке кампании по защите Бернара и по сбору необходимых средств. По этому поводу он встретился и с Герценом, и имя издателя «Колокола» появилось в списке жертвователей.

ТОМАС КАРЛЕЙЛЬ

Гравюра неизвестного художника, 1858
«Illustrierte Zeitung», 13 ноября 1858 г.

* Быть может, тот Томас, который был выслан с Джерси как распространитель еженедельника «Нотте», где появилась статья Пиа.

В 1858 г. возникли еще два судебных дела. В обоих делах британские власти преследовали книгопродавцев за выпуск и распространение изданий, направленных против Наполеона III и подстрекавших к его убийству. Один из этих процессов был начат против англичанина Э. Трулова, опубликовавшего памфлет У. Адамса «Tygannicide: is it justifiable?», другой — против поляка С. Тхоржевского, напечатавшего брошюру Ф. Пиа, А. Бессона и А. Таландые под заглавием «A Letter to the Parliament and the Press». Оба издателя, активную поддержку которых организовал Брэдлаф, были оправданы. Судья Дж. Кемпбелл заявил в своей заключительной речи, что Англия «славилась предоставлением убежища иностранцам, изгнанным и преследуемым во всех странах мира за политические преступления; но, когда они находят здесь убежище, они должны иметь в виду, что если законы Англии им покровительствуют, то и они обязаны им подчиняться»²⁰.

Герцен присутствовал на Bow Street во время процесса Тхоржевского и, возможно, также процесса Трулова. Тхоржевский не только был одним из его книгопродавцев, но и помогал в пересылке его изданий за границу. Вмешательство Герцена в данном случае было не только идейным, принципиальным, но и личным делом. В «Колоколе» от 15 апреля 1858 г. он поместил сообщение об обоих процессах, лишь на месяц предшествовавших процессу Бернара, под заголовком: «L'appétit vient en mangeant» (XIII, 265). А следующий номер «Колокола» содержал краткое сообщение об оправдательном приговоре по делу Бернара. Оно озаглавлено: «Ватерлоо 17 апреля 1858» и кончается словами: «Наполеону мира — мирное Ватерлоо. А народу английскому честь, слава и свобода!» (XIII, 266).

Еще одна из важных английских связей Герцена — банкир барон Л. Н. Ротшильд, брат парижского банкира Дж. Ротшильда, который, как известно, добился от царского правительства снятия секвестра с капитала матери Герцена. Одной из причин первого приезда Герцена в Лондон было намерение выяснить, каким образом лучше «пристроить» этот капитал после гибели матери (осенью 1851 г.). Дж. Ротшильд дал Герцену рекомендательное письмо к брату в Лондон. Из переписки Герцена видно, что он и Л. Н. Ротшильд не раз встречались и после завершения финансовых дел, уже на почве политической. Ротшильд предоставил Герцену возможность пользоваться своим адресом в New Court (в Лондоне) для получения корреспонденции, связанной с деятельностью Вольной русской типографии. Это несомненно был самый надежный из всех каналов связи, которыми располагал Герцен.

Ротшильд давно уже принимал участие в английской политической жизни. Еще в 1847 г. он был избран вигами в парламент от лондонского Сити, но как еврей отказался принести королеве присягу «в истинной христианской верности», и поэтому ему тогда не было разрешено занять свое место в палате. Вторично избранный подавляющим большинством в 1850 г., он потребовал, чтобы ему разрешено было присягать на Ветхом завете. И в этом ему отказали. В 1851, 1853 и 1857 гг. Палата общин провела ряд биллей, позволявших евреям присягать подобным образом, но все они были один за другим отвергнуты Палатой лордов, так что Ротшильду не удалось тогда занять свое место в парламенте. Лишь в 1858 г. был принят и утвержден закон, по которому Ротшильд получил право принести присягу по еврейскому обряду; после этого он в течение многих лет заседал в парламенте.

Нечто подобное имело место и с Брэдлафом. Избранный членом парламента от Нортгемптона, он как атеист и свободомыслящий человек потребовал права не присягать на Библии, но в этом ему было отказано. После восьмилетней борьбы он получил разрешение «поклоняться в верности», не присягая на Библии.

Мы уже упоминали о помощи, оказанной Коуэном Линтону при организации его типографии в Брентвуде, где был напечатан английский перевод сочинения Герцена «Русский народ и социализм». Отношения Герцена с Линтоном и его окружением уже рассматривались нами в другой работе²¹. Однако к ним необходимо обратиться и в настоящей статье для полноты обзора темы «Герцен и Англия».

В английском рабочем движении 1840-х годов Линтон был весьма заметной фигурой. В 1848 г. он был послан английскими рабочими в Париж, чтобы поздравить французский пролетариат с февральской революцией; по возвращении он начал издавать еженедельную газету «Cause of the People», где ставил своей целью возрождение чартизма. Десятилетием раньше, в 1838 г., он основал дешевое еженедельное издание «Library for the People», задуманное как источник политических и других новостей для рабочих, которым не были доступны обычные газеты. В 1852 г. он по финансовым причинам вынужден был отказаться от продолжения этого издания, но еще за год до этого, ободренный и материально поддержанный Коуэном, он основал ежемесячник

«English Republic», а в 1852 г. вместе с Хантом, Пиготом и Холиоуком создал давно задуманную газету «Leader» (см. выше).

Пока Линтон оставался в Англии (в 1866 г. он эмигрировал в Соединенные Штаты Америки), он среди английских знакомых Герцена был самым близким ему человеком. В некрологе, напечатанном в «New York Tribune» 20 февраля 1870 г., Линтон охарактеризовал Герцена как одного из самых одаренных людей своего времени — гораздо более одаренных, чем большинство европейских революционеров, достигших известности. «Под его внешностью, создававшей впечатление беспечности и веселости, — писал Линтон, — скрывался глубокий характер, исполненный огромной силы. Вряд ли в общественной жизни когда-либо блистал более остроумный человек. Беседа его сверкала пламенным остроумием и сарказмом». Как известно, Линтон (отличный художник-гравер) сделал по просьбе Герцена иллюстрированную обложку для «Полярной звезды» с медальоном пяти казненных декабристов.

Линтон был частым гостем в доме Герцена.

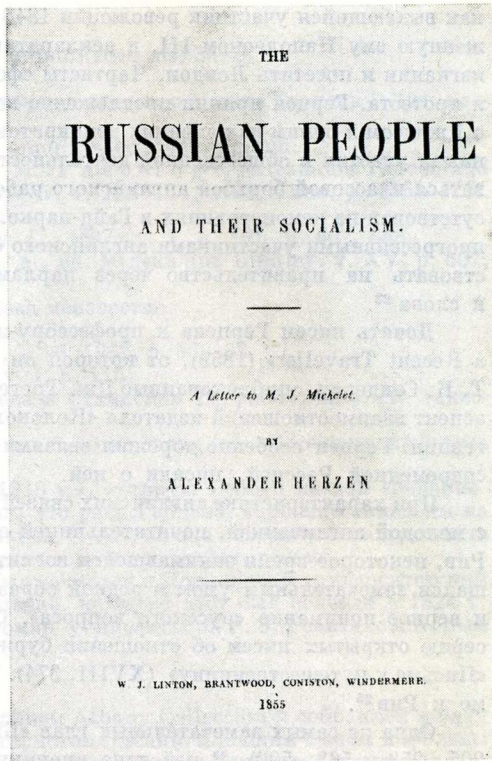
Вскоре после переезда в Лондон Герцен стал заниматься публицистической деятельностью. В ноябре 1853 г. он опубликовал в газете «Leader» серию статей под заглавием «Russian Serfdom». Герцен считал своим долгом напомнить англоязычному миру, что «ближе к Англии, по ту сторону Балтийского моря, целое народонаселение составляет законную собственность кучки помещиков — и население не в 3 000 000, а в 20 000 000!» (XII, 34).

В 1854 г. Герцен опубликовал в «English Republic» еще серию статей — «Russia and the Old World». Как и «Russian Serfdom», они как бы завершают важный этап деятельности Герцена в Европе, когда своей главной задачей он считал ознакомление Запада с Россией, с ее историей, умственной жизнью и формами народного развития.

Вначале Герцен высоко ценил свои связи с редакцией «Leader». Но после того, как эта, казалось бы, дружественная газета, поддавшись антирусским настроениям, порожденным Крымской войной, выступила против него и его статей, Герцен прекратил свои сношения с редакцией. Этот эпизод укрепил его решение ограничиться в своей деятельности исключительно русскими делами.

29 ноября 1853 г. должен был состояться грандиозный митинг в Hannover Rooms в связи с годовщиной польского восстания 1830 г. Герцену — возможно, через организатора митинга Пигота — предложили выступить с речью как представителю русского народа. Речь была произнесена на французском языке, незнакомом большинству присутствовавших рабочих; тем не менее, по словам Герцена, она «крепко понравилась» (XXV, 132). Двумя годами позже Герцен снова представлял Россию в числе выдающихся деятелей европейской демократии на большом международном митинге, состоявшемся 27 февраля 1855 г. в Saint Martin's Hall в память февральской революции 1848 г. По словам корреспондента «Times», речь Герцена была самой замечательной и ее приняли с энтузиазмом²². Инцидент, возникший между К. Марксом и Герценом в связи с устройством этого митинга, общеизвестен (Маркс отклонил приглашение участвовать в митинге, потому что не хотел фигурировать рядом с Герценом). Меньше обращало внимание на то, что Герцен был тесно связан с организаторами этого митинга. Чартисты во главе с Линтоном и Э. Джонсом * решили организовать эту большую народную манифестацию, после того

* См. письмо этого видного чартиста, политического деятеля и поэта к Герцену (от 10 марта 1855 г.) в «Звеньях», VIII (М., 1950, с. 54—55).

«РУССКИЙ НАРОД И СОЦИАЛИЗМ».

АНГЛИЙСКОЕ ИЗДАНИЕ

Лондон, 1855

Титульный лист

Музей Герцена, Москва

как выдающийся участник революции 1848 г. А. Барбес отказался принять амнистию, предложенную ему Наполеоном III, и декларативно заявил о своем намерении навсегда остаться в изгнании и посетить Лондон. Чартисты сформировали в связи с этим Комитет гостеприимства и протеста. Герцен принял предложение войти в него, и его попросили подготовить — вместе с Джонсом и одним из немецких демократов — текст объявления. Впоследствии Герцен не принимал участия в общественной деятельности чартистов. Тем не менее он продолжал интересоваться классовой борьбой английского рабочего класса и в 1858, а также в 1859 г. лично присутствовал на демонстрациях в Гайд-парке. Он продолжал также поддерживать связи и с теми прогрессивными участниками английского общественного движения, которые пытались воздействовать на правительство через парламент, вводя законы, охраняющие свободу мысли и слова ²³.

Девять писем Герцена к профессору-историку Ч. Г. Пирсону, автору книги «Russia, by a Recent Traveller» (1859), от которой он был в восторге, и редактору «Continental Review» Т. К. Сэндерсу, опубликованные Дж. Трегенза в начале 1960-х годов ²⁴, открывают еще один аспект взаимоотношений издателя «Колокола» с представителями высшей английской интеллигенции. Герцен особенно дорожил связями с теми деятелями Англии, которые интересовались современной Россией, писали о ней.

При характеристике английских связей Герцена следует отметить его дружеские отношения с молодой англичанкой, почитательницей его таланта и деятельности, рано умершей Эмилией Рив, некоторое время занимавшейся воспитанием его старшей дочери. Герцен искренне восхищался замечательным умом и редкой образованностью Рив. В особенности ценил он глубокое и верное понимание «русского вопроса». О своем невыполненном намерении адресовать Рив серию открытых писем об отношении буржуазного Запада к России Герцен сообщил в пятом «Письме к путешественнику» (XVIII, 374). В это же произведение Герцен включил и свое письмо к Рив ²⁵.

Одна из самых замечательных глав «Былого и дум» (1860) называется «Роберт Оуэн» (XI, 205—253 и 563—590). В ней дана проникновенная характеристика личности и общественной деятельности этого выдающегося английского социалиста-утописта, борца за социальную справедливость. Герцен описывает в этой главе свою встречу с Оуэном и воссоздает среду, в которой проходила жизнь Оуэна в Англии.

* * *

Итак, вопреки принятым до сих пор взглядам Герцен встречался с весьма большим числом англичан самого различного положения, большей частью прогрессивных общественных взглядов, и со всеми деятелями, заметными в левом крыле движения. В Англии он не был связан с революционерами того типа, который встречался среди французов, немцев и итальянцев, оказавшихся в эмиграции после 1848 г., просто потому, что их там не было. Английские «революционеры» действовали внутри своей родины. Это были недавние чартисты, как Джонс и Линтон, свободомыслящие активисты типа Брэдафа и Олсона и парламентские политические радикалы, как Стэнфилд, Мильнер-Гибсон, а позднее Коуэн. Со всеми ними, как мы видим, Герцен поддерживал знакомство ²⁶.

Некоторые другие аспекты освещаемой темы изложены в нашей прежней работе — «Александр Герцен и его английские связи» (сб. «Проблемы изучения Герцена». М., 1963, с. 348—369).

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Joseph M a c C a b e. The Life and Letters of George Jacob Holyoake, v. I. L., 1908, p. 244.

² Co-operative Union Library. Manchester, Owen Papers, unpublished ms, 1162.

³ Ibid., unpublished ms, 2123.

⁴ National Library of Scotland. Carlyle Papers, unpublished ms, 2123.

⁵ Чарлз Роберт *Дарвин* (1809—1882) — известный естествоиспытатель.

⁶ Граф Оскар *Рейхенбах* (1815—1893) — немецкий политический эмигрант, участник революции 1848 г. Упоминания о нем встречаются в «Былом и думах» и в переписке Герцена. Упоминается в письмах Герцена и жена Рейхенбаха.

⁷ Вильям Генри *Брукфилд* (1809—1874) и его жена Джейн Октавия (1821—1896), чей лондонский великосветский салон посещался многими значительными литературными деятелями, в том числе Карлейлем, Диккенсом, Теккереем, Теннисоном и Элизабет Гаскелл.

⁸ National Library of Scotland. Carlyle Papers, unpublished ms, 362B.

⁹ Ibid., unpublished ms, 362B.

¹⁰ См.: Л. Р. Ланский. Газетные и журнальные вырезки в архиве Герцена («Лит. наследство», т. 63, с. 805).

¹¹ British Library. Dilke Papers, add. ms, 4393, unpublished memorandum.

¹² Л. Р. Ланский. Цит. соч., с. 806—811; M. Partridge. Alexander Herzen and the English Press (Slavonic and East European Review), v. XXXVI, 1958, June, p. 453—470).

¹³ British Library. Dilke Papers, add. ms, 43929.

¹⁴ M. E. Grant-Duff. Notes from a Diary. L., 1897, v. I, p. 101, p. 607, 848.

¹⁵ John Stuart Mill. Collected Works. <L>, s. a., ed. Mineka and Lindley, v. XV, p. 607, 848.

¹⁶ Ibid., p. 805. Местонахождение письма Огарева неизвестно.

¹⁷ Сб. «Проблемы изучения Герцена». М., 1963, с. 34.

¹⁸ «Slavonic and East European Review», v. XLI, N 96, 1962, p. 50—63.

¹⁹ H. Bonner. Charles Bradlaugh. L., 1908, v. I, p. 115.

²⁰ «Morning Star», 1858, 23. VI (статья «Королева и Станислав Тхоржевский»); см. также XI, 94.

²¹ М. Партридж. Александр Герцен и его английские связи (сб. «Проблемы изучения Герцена», с. 348—369).

²² «Times», 1855, 28. II — статья «Революции 1848 г.», которую Герцен назвал «коварно-спокойной» (XXV, 238, 242). Корреспондент отмечал, что речь Герцена, «произнесенная им на французском языке, была написана лучше всех остальных <...>, но она потеряла большую часть своего эффекта вследствие того, что была прочитана довольно невнятным голосом».

²³ В 1857 г. по желанию Герцена его сын Саша был зачислен в Лондонский университетский колледж. Известный как «безбожное» учебное заведение, колледж этот был основан в 1824 г. по инициативе Дж. Бенгата. Саша учился там анатомии у профессора Р. Э. Гранта, с которым Герцен был, кстати сказать, знаком.

²⁴ «Проблемы изучения Герцена», с. 16—30.

²⁵ Ср. «Лит. наследство», т. 61, с. 256—258.

²⁶ В коллекции автографов, известной под названием Albany Collection и собранной между 1865 и 1874 гг. принцем Леопольдом (1853—1884), герцогом Олбани, младшим сыном королевы Виктории, нами в свое время было обнаружено неизвестное письмо Герцена к неустановленному лицу от 28 июня 1860 г. (XXX, 585). Коллекция, состоящая из трех отдельных альбомов, теперь хранится в библиотеке Bodleian (Оксфорд). Первый альбом составлен из автографов современников принца, главным образом деятелей литературы; во втором собраны английские и французские исторические автографы; третий остался в значительной мере незаполненным, в нем находится всего несколько исторических автографов и подписей друзей принца, сделанных в то время, когда он еще был студентом в Оксфорде. Письмо Герцена находится в первом альбоме вместе с автографами многих выдающихся англичан, в том числе наиболее известных писателей и поэтов — Диккенса, Теккерея, Браунинга, Колриджа, Вордсворта, Карлейля, Дизраэли, Милля и др. То, что автограф Герцена оказался среди автографов людей такого масштаба, свидетельствует о его почетной известности в высших и тем более в интеллигентских сферах английского общества.

ПЕРЕПИСКА С АНГЛИЙСКИМИ ДЕМОКРАТАМИ

ПИСЬМО ГЕРЦЕНА К Т. ОЛСОПУ.—

ПИСЬМА К ГЕРЦЕНУ Т. КАРЛЕЙЛЯ И ДЖ. КОУЭНА

Публикация Моники Партридж и Л. П. Северской

ДЖ. КОУЭН — ГЕРЦЕНУ

Публикация Моники Партридж

Джозеф Коуэн (1831—1900) — один из наиболее интересных и значительных английских корреспондентов Герцена. Он был теснейшим образом связан с революционными эмигрантами из ряда стран Европы и оказывал — непосредственно и через своих польских друзей — практическую помощь в распространении герценовских изданий.

Сын богатого судовладельца, Коуэн еще в студенческие годы заинтересовался европейским революционным движением. Вскоре он превратил Ньюкасл в центр не только английской, но и общеевропейской революционной пропаганды.

Теснее всего Коуэн был связан с такими выдающимися деятелями, как Маццини, Гарибальди, Блан, Кошут, Ледрю-Роллен и Ворцель. Герцен и Огарев также входили в число его друзей. У себя на родине Коуэн всеми силами поддерживал чартистов, в особенности В. Линтона и